

коллекции дает основания предполагать, что участниками тех и других сделок в ряде случаев были одни и те же люди (с. 150).

Памятники в каталоге Валленфельза систематизированы в соответствии с представленными на них сюжетами. Исследователь выделил более шестидесяти классифицированных рубрик, внутри которых во многих случаях есть подразделы. Весьма популярными темами в эту эпоху стали, судя по рассматриваемому материалу, изображения мужских и женских голов и фигур так называемых героев. Хотя подобные сюжеты встречались и в глиптике и более ранних периодов вавилонской истории, в селевкидское время они, вероятно, появились под греческим влиянием (с. 11). Такие печати не были импортными, их, по мнению автора, вырезали местные мастера, неумело пытавшиеся воспроизвести греческие формы (с. 16). На некоторых памятниках можно увидеть греческих богов, в частности Афину. Интересно, что владельцы этих печатей носят аккадские имена, а иногда даже принадлежат к одному из наиболее больших и влиятельных урукских семейств – Ахуту. Однако более распространенными сюжетами глиптики были персонажи вавилонской мифологии, иногда боги, но гораздо чаще – фантастические существа, соединяющие в себе элементы разных животных или животных и человека. Например, сфинксы и крылатые быки. Подобные образы были весьма характерны для искусства, в том числе камнерезного, новоассирийской, нововавилонской и ахеменидской эпох.

Автор, положив в основу каталога сюжетное многообразие памятников глиптики, в заключении к работе рассматривает материал и в других аспектах, в частности, с точки зрения того, какие сюжеты и образцы глиптики пользовались предпочтением у членов наиболее известных урукских семейств, у мужчин, женщин, у носителей греческих имен. Анализ материала привел автора, в частности, к интересному выводу о том, что владельцами печатей с изображением мифологических мудрецов *arkallu* были почти исключительно члены древних урукских родов, представители которых исполняли в храмах должность гадателей (с. 146). Особое внимание исследователь уделяет греческому влиянию на урукскую глиптику и сравнению наиболее распространенных форм и сюжетов печатей из Урука и Селевкии-на-Тигре. В приложении к изданию содержится список знаков зодиака, встречающихся на печатях рассматриваемой коллекции.

Труд Валленфельза представляет собою весьма добросовестное и подробное, насыщенное фактами и снабженное богатым справочным аппаратом исследование, которое в значительной мере сможет восполнить лакуну в изучении малоизвестного сегодня периода в истории вавилонской глиптики. Благодаря тому обстоятельству, что в большинстве случаев известны имена, родственные связи, а иногда и храмовые должности, профессии, социальное и даже этническое происхождение владельцев печатей, значение этой работы выходит за рамки истории вавилонского искусства и дает хорошую основу для дальнейшего изучения и классификации материала.

М.М. Дандамаева

© 2000 г.

WORLEY L.J. Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece (History and Warfare). Boulder – San Francisco – Oxford: Westview Press, 1994. 241 p., ill.

В последнее время в западной историографии значительно возрос интерес к военному делу античности. Среди прочих аспектов данной темы исследуются и сюжеты, связанные с конницей. Так, П. Гринхол рассмотрел комплекс вооружения и типы архаических конников греков, согласно репрезентативным памятникам, Г. Бью исследовал социальное и политическое положение афинских всадников в архаическую и классическую эпоху, А. Спенс детально разобрал наряду с социальным еще и военный аспект проблемы¹. В ряду этих работ

¹ *Greenhalgh P.A.L. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambr., 1973; Bugh G.R. The Horsemen of Athens. Princeton, 1988; Spence I.G. The Cavalry of Classical Greece. A Social and Military History with Particular Reference to Athens. Oxf., 1993.*

стоит и монография вашингтонского исследователя Лесли Дж. Уорли. Свою задачу он видит в изучении роли конницы на полях сражений древней Греции, начиная от микенского периода и заканчивая Восточным походом Александра Великого («Введение», с. 2–5). Таким образом, автор считает своей основной целью заполнение определенного пробела в историографии, касающегося всего периода развития греческой конницы в доэллинистическую эпоху.

Свою работу Л. Уорли начинает с рассмотрения микенских наездников и всадников периода Темных веков (гл. 1 – «Микенский верховой воин», с. 7–20). Он справедливо считает, что уже в XIV в. до н.э. у греков существовали всадники. Это мы знаем как по терракотовым статуэткам, так и по росписям кратеров микенского стиля. Вместе с тем, не выглядит достаточно убедительным мнение автора, согласно которому сообщение на двух кноссских табличках о выдаче одного панциря и коня можно рассматривать как свидетельство о наличии панцирной конницы. Более правдоподобным выглядит такое объяснение различия в количестве предметов снаряжения, поставляемых дворцом: как и на Востоке, выдавалось то, в чем нуждался колесничий². Если можно поддержать утверждение автора о том, что кони в этот период использовались скорее для мобильного передвижения, чем для боя, то уж никак нельзя согласиться с утверждением, что тогда же определенная часть всадников сражалась путем фронтальной атаки врага. Для последнего утверждения нет ни доказательств, ни исторических параллелей. Переходя к периоду Темных веков (гл. 2) и ранней архаики, автор справедливо отмечает, что наряду с гоплитами, уже в VIII в. до н.э. у греков существовали и настоящие всадники, сражающиеся на конях, которые и были принесены эллинскими колонистами в Великую Грецию.

Далее Л. Уорли рассматривает роль конницы в конфликтах Греции архаической эпохи (гл. 3 «Греческая конница в Архаический период», с. 21–58). Основываясь главным образом на свидетельстве Аристотеля о господстве конницы (Polit. IV. 10. 10 (1297b)), автор полагает, что в раннеархаическую эпоху, до введения фаланги гоплитов, на полях сражений доминировали всадники, которые и играли главную роль в Лелантской и I Мессенской войнах (последняя треть VIII в. до н.э.). Действительно, согласно сообщению Плутарха (Amatogius. 17. 4–9 = Мог. 760 e–f), фессалийской коннице принадлежит решающая роль в войне между Халкидой и Эретрией. Однако второе утверждение автора, о такой же роли всадников во время боевых действий в Мессении, не правомерно. Свидетельство Павсания говорит как раз об обратном. Так, рассказывая о сражении у рва во время этой войны, он сообщает: «В этой битве с обеих сторон сражались или только, или почти одни гоплиты. Немногие были на конях и ничего, что запомнилось, не совершили; ибо, право, не лучшими тогда в езде были пелопоннесцы» (Paus. IV. 8. 12). Совершенно ясно, что уже в данный период намечались региональные различия в развитии военного дела греков вообще и конников в частности. Уорли, рассматривая 300 спартанских *hippeis*, полагает, что они набирались по 100 воинов от каждой из трех фил (с. 24). Обращаясь к фессалийской коннице, исследователь поддерживает маловероятное мнение о том, что греки этой области получили «больших коней» от киммерийцев (с. 28–29), хотя достаточно очевидно, что последние располагали лошадами степного типа³. Конница фессалийцев, по мнению автора, состояла из знатных землевладельцев и их приближенных. После реорганизации армии Фессалии Алевом Рыжим в конце VII в. до н.э., всадники стали строиться для боя ромбом (с. 29–31). Однако вряд ли можно прямо переносить свидетельство об этом строе у фессалийцев, сохранившееся в «тактиках», говорящих о хорошо организованной коннице позднеклассического-эллинистического времени, на VII в. до н.э. (Asclep. Tact. 7. 2; Ael. Tact. 18. 2; Arr. Tact. 16. 3).

Упомянув о существовании конницы у греков Ионии, в Магнезии и Колофоне (с. 35–36), автор переходит к рассмотрению изображений типов всадников на архаических греческих вазах (в основном VI в. до н.э.). Он выделяет три типа конников: настоящие всадники, которые сражаются в бою колющим или метательным копьем, легковооруженные метатели и «драгуны», которые по необходимости могли сражаться как пешими, так и конными. Вместе с тем, автор явно переоценивает возможности греческой конницы, считая, что она

² *Uchitel A.* Charioteers of Knossos // *Minos*. 1988. V. 23. P. 47–58; *Нефёдкин А.К.* Боевые колесницы в древней Греции (XVI–I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 7–8; см. также *Нефёдкин А.К.* Боевые колесницы древних греков (XVII–I вв. до н.э.). Петербургское Востоковедение. Гл. 2. Ч. 3. 2 (в печати).

³ *Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // *МИА*. 1966. № 135. С. 45–46, 48, 89.

уже в это время могла успешно атаковать построение тяжелой пехоты (с. 48–49, 170). В доказательство своего предположения Л. Уорли приводит сообщение Геродота об атаке фессалийских всадников на спартанцев (V. 64). Однако речь, судя по всему, в этом случае шла об атаке войска на марше. Это же касается и боя на Фалернской равнине в 511/510 г. до н.э. (V. 63). Таким образом, нет причин пересматривать традиционное мнение о том, что конники не отваживались атаковать нерасстроенную фалангу. Это, впрочем, далее признает и сам автор (с. 53): битва при Платеях (479 г. до н.э.) показала всем бесперспективность атак конницы на пехоту, ведь среди персидских всадников были и греческие конники (с. 57–58). Это, по мнению Л. Уорли, был рубеж в развитии архаической конницы эллинов.

Гл. 4 «Греческая конница в век Перикла» (с. 59–81) посвящена рассмотрению развития конницы в 479–431 гг. до н.э. Свое повествование автор начинает с описания организации и вооружения беотийской конницы, которая, по его предположению, состояла из 11 территориальных отрядов, строившихся в пять шеренг и десять рядов (с. 60–63). Однако нельзя поддержать мнение исследователя о существовании в Беотийском союзе крупных соединений из нескольких ил всадников. Подобные крупные воинские единицы конницы появляются лишь во время Восточного похода Александра⁴.

Основной темой данной главы является рассмотрение афинской конницы. Вероятно, Л. Уорли прав, считая, что она была уже в архаическую эпоху, поскольку существовал цензовый класс всадников, а на вазах VI в. до н.э. представлены многочисленные изображения конников (с. 63–64). Во время же борьбы Писистрата против представителей аристократических родов, количество конницы значительно уменьшилось, хотя она и не переставала существовать вплоть до войн с персами (с. 64–66). После похода Ксеркса численность афинской конницы постепенно возрастала от 300 граждан-всадников до 600 и 1000 (с. 69–70). Причем второе, переходное число автор реконструировал сам (с. 195, прим. 61). Конниками были как пентакосиомедимны и всадники, так и богатые зевгиты, которые, служа в коннице, по мнению исследователя, переходили в класс всадников. Общая численность конницы в Афинах (1200 всадников) составляла 5% от всего мужского населения, поскольку из-за триерархии и возрастной пригодности тут служили лишь 45% от тех, кто должен был проходить службу (с. 72–77). К началу Пелопоннесской войны афинская конница была среди лучших в Греции и занимала второе место, после фессалийцев, по своей численности.

Гл. 5 «Греческая конница в Пелопоннесской войне» (с. 82–122) посвящена роли всадников в последней трети V в. до н.э. Во время Архидамовой войны (431–421 гг. до н.э.) афинская и союзная ей фессалийская конница (около 2000 всадников) превосходили силы спартанского царя (800–900 конников) и вела рейдовую войну. В 424 г. до н.э. для защиты от набегов афинян спартанцы создали отряды конницы, а также пеших лучников (Thuc. IV. 55. 2). Организованы были всадники по следующему принципу: знатные спартанцы предоставляли лошадь, а сражались на ней гипомейоны, причем первоначально они спешиливались для боя (с. 89). Последнее утверждение автора не представляется вероятным. Совершенно ясно, что создание отряда всадников было попыткой Лакедемона противостоять действиям афинян. Спартанские всадники, как и их противники, сражались верхом. Далее автор обсуждает, почему Афины послали в Сицилийскую экспедицию (415 г. до н.э.) всего 30 всадников (Thuc. VI. 43). Л. Уорли не поддерживает версию Г. Бью о том, что афиняне надеялись на помощь своих сицилийских союзников⁵. Он считает, что это объяснялось недостатком судов и необходимостью использовать эту конницу для действий в Греции (с. 103). В целом, по мнению исследователя, конница применялась в этот период для разведки, прикрытия, рейдов и защиты территории. Иногда она играла решающую роль в сражениях. Так, в 429 г. до н.э. халкидские всадники, легковоруженные и пельтасты нанесли поражение афинянам у Спартола; в 424 г. до н.э. при Делии беотийская конница вышла в тыл афинянам, вызвав панику, и тем самым принесла победу своей армии; в 418 г. до н.э. при Мантинее всадники афинян воспрепятствовали окружению, и, следовательно, уничтожению спартанцами афинской пехоты, стоявшей на левом крыле союзников; в Сицилии (415–413 гг. до н.э.) действия сиракузских всадников также внесли значительный вклад в победу (с. 121–122).

Гл. 6 – «Греческая конница в IV веке до н.э.» (с. 123–152). В этот период, по мнению Л. Уорли, наблюдаются два явления: во время восточных походов греков конница играла значительную роль, а на поле боя возникает координация родов войск (с. 123). Отмечая наличие всадников во время «Похода десяти тысяч», автор высказывает идею, что Ксе-

⁴ Tarn W.W. Alexander the Great. V. II. Cambr., 1950. P. 161.

⁵ Bugh. Op. cit. P. 99–100.

нофонт был организатором конницы Агесилая зимой 396/5 г. до н.э. Впрочем, отмечу, что сам аттический историк не приписывает себе никакой роли при этом (Хеп. Ages. 1. 24; Hell. III. 4. 15; ср. Plut. Ages. 9). Позднее, в первой половине 360-х годов до н.э., Ксенофонт изложил свои методы тренинга и организации всадников в двух трактатах «О всадническом искусстве» и «Об обязанностях гиппарха» (с. 136–139). Если принять предположение Л. Уорли о том, что Ксенофонт рекомендует сменить вооружение ионийских всадников на снаряжение по персидскому образцу, то тогда снимается определенное противоречие в описании деталей (Хеп. De re eq. 12. 1–13). Ведь Ксенофонт рекомендует заменить копье греческого всадника двумя персидскими пальтонами, один из которых метают, а вторым сражаются врукопашную (Хеп. De re eq. 12. 12). Но у афинских всадников и так было по два копья. Зачем тогда нужна рекомендация о перевооружении вообще? Однако, если посчитать, что речь у аттического писателя шла о вооружении ионийской конницы, то все становится более ясным: у них на вооружении в первой половине IV в. до н.э. было одно копье⁶. Хотя, естественно, и фессалийские всадники в этот же период были вооружены колющим копьем⁷. Но, по-видимому, Ксенофонт говорит не о них. Уже в битве при Сардах (395 г. до н.э.) с персидской конницей всадники Агесилая, взаимодействуя с легкой и наиболее подвижной частью тяжелой пехоты, решили исход дела (с. 140–141).

Кульминацию развития собственно греческой конницы Уорли связывает с именем фиванского полководца Эпаминонда (с. 141–150). Рассматривая битвы при Левктрах (371 г. до н.э.) и Мантинее (362 г. до н.э.), автор выделяет тактические особенности действия конницы беотийцев: осуществление рейдов, прикрытие и защита своих войск, в бою она сражается со всадниками противника, охватывает вражеский фланг, стремясь зайти в тыл пехоты неприятеля.

Гл. 7 – «Конница Филиппа II и Александра III» (с. 153–167). В данный период, по мнению автора, македонская конница становится «молотом», который атакует пеший и конный строй противника, используя быстроту и силу лошадей. Филипп II, развивая македонскую верховную традицию, создал тяжеловооруженную кавалерию, раздав поместья не только природным македонянам, но и грекам (с. 155). Если в 358 г. до н.э. у него было 600 всадников, то через шесть лет их было уже 3000 (с. 155; Diod. XVI. 35. 4). Уорли поддерживает традиционное мнение о том, что тяжелая кавалерия гетайров была вооружена сариссами (с. 156)⁸. Не могу согласиться с этим предположением. В кавалерии Александра лишь фракийские продromы среди всадников имели сариссу, по-видимому, копье северобалканского типа (Curt. IV. 15. 13; Arr. An. I. 13. 1; 14. 1; Ovid. Epist. I. 3. 59). Именно вследствие этого особенного оружия только продromы именуется в источниках «сариссоносцами» (Arr. An. I. 14. 1: *σαρισσοφόροι*; Curt. IV. 15. 13)⁹. Гетайры же были вооружены длинными македонскими копьями со втоками, ксистопами (*ξυστά* – Arr. An. I. 15. 1; 5–6; 16. 1; VII. 6. 5). Более того, в период эллинизма, который, к сожалению, весьма скудно освещен сохранившимися источниками, мы уже не встречаем всадников с сариссами. Конные же копейщики в «Тактиках» называются «копье-», «конто-» или «ксистоносцами» в зависимости от типа оружия (Ascler. Tact. 1. 3; Ael. Tact. 2. 12; Arr. Tact. 4. 2). Следовательно, если конные сариссофоры и существовали в период эллинизма, то по крайней мере они не были распространены, а на поле боя продолжали действовать те же ксистоносцы. Далее, нельзя согласиться и с мнением Уорли о том, что продromы имели на вооружении сариссы длиной 4,5–5,5 м (с. 156). В данном случае автор базируется на реконструкции этого оружия М.М. Марклом¹⁰. Однако уже из статьи последнего становится понятно, что такой длинной сариссой невозможно было действовать в бою: ее нельзя было даже перенести из одного хвата в другой одной рукой – нужна была помощь второй руки¹¹. Совершенно ясно, что длина этой пики была меньше. Построение кавалерии македонян клином автор объясняет

⁶ См. афинское надгробие всадника с двумя копьями V в. до н.э.: Lefebvre des Noëttes R. L'Attelage, le cheval de selle à travers les âges. Contribution à l'histoire de l'esclavage. T. 2. P., 1931. Fig. 240; всадник, изображенный на монете из Магнезии на Меандре, имеет одно копье (первая половина IV в. до н.э.), см. Античная цивилизация. М., 1973. С. 71.

⁷ См. монету Александра Ферского: Couissin P. Les institutions militaires et navales. P., 1932. Pl. X, 4.

⁸ Manti P.A. The Cavalry Sarissa // The Ancient World. 1983. V. 8. № 1–2. P. 73–80.

⁹ Ср. Mixer J.R. The Length of the Macedonian Sarissa during the Reigns of Philip II and Alexander the Great // Ibid. 1992. V. 23. № 2. P. 25.

¹⁰ Markle M.M., III. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor // AJA. 1977. V. 81. № 3. P. 323–339.

¹¹ Критику реконструкции сариссы М.М. Марклом см. Manti J.R. The Macedonian Sarissa, Again // The Ancient World. 1994. V. 25. № 2. P. 77–91.

как преимуществом при атаке строя врага, так и удобством для движения (с. 157). Однако уже Г. Дельбрюк показал, что первое объяснение не является причиной построения конницы клином – нельзя сравнивать способ вхождения ножа в масло и действия живых людей (ср. Asclep. Tact. 7. 3; Ael. Tact. 18. 4)¹².

Из битв данной эпохи Л. Уорли разбирает два сражения – при Херонее (338 г. до н.э.) и при Иссе (333 г. до н.э.). При Херонее кавалерия Александра в нужный момент атаковала растянувшееся построение греческой пехоты – это привело к победе (с. 162). Далее автор, не упомянув битву при Гранике, тут же приступает к описанию битвы при Иссе, в которой македонские всадники правого крыла Александра атаковали сначала персидскую пехоту, а затем, смяв ее, перешли в наступление на центр персидской армии, где стоял царь – этим и была обеспечена победа (с. 166–167). В целом, нападающим «молотом», по мнению Л. Уорли, македонскую кавалерию сделало применение специального оружия (пики), построение всадников клином, а также скорость, вес и сила атаки (с. 167).

В «Заключении» (с. 169–172) автор все развитие древнегреческой конницы делит на три стадии. Первая стадия характеризуется тем, что коня воины использовали как средство транспорта к полю боя (микенская эпоха и период Темных веков). Для второй стадии (эпоха архаики и классики) «конь представлял собой площадку, с которой всадник сражался и временами доминировал на поле боя» (с. 169). Господство конницы закончилось ко времени Платейской битвы, когда она уже не могла производить шок на фалангу. Третья, заключительная, стадия связывается Л. Уорли с появлением кавалерии как силы, могущей производить атаку и на пехоту, и на конницу противника. Это мы наблюдаем в Греции IV в. до н.э., а затем в армии Филиппа II и Александра III. Правда, непонятно, зачем автор объединяет в один период конницу эпохи Фиванской гегемонии, которая сражалась еще традиционно, и македонскую и фессалийскую кавалерию, бросающуюся в атаку для последующего перехода в рукопашную.

Книга снабжена списком сокращений (с. 173–175), примечаниями (с. 177–218), библиографией (с. 219–228), кратким резюме (с. 229) и подробным индексом имен, названий и предметов (с. 230–241).

Автор монографии в основном базируется на сведениях древних авторов и мнениях современных исследователей, эпиграфические же данные почти не привлекаются. При этом Л. Уорли использует уже сложившиеся теории, не вступая в особо жаркую дискуссию с другими исследователями. Оригинальными авторскими, как мне показалось, являются реконструкции боевых построений конницы греков – тема, видимо, особенно близкая Л. Уорли. Исходя из сообщений тактиков о построении эллинских всадников прямоугольными отрядами (афиняне, беотийцы, сицилийцы), фессалийцев – ромбом, а македонян – клином (Asclep. Tact. 7. 2–4; Ael. Tact. 18. 2–5; Arr. Tact. 16. 3–9), автор рассчитывает, сколько шеренг и рядов имел каждый отряд всадников у этих греческих войск (с. 25, 31, 61–62, 75, 90–91, 91–92, 100–102, 137–138, 157).

Уорли справедливо сопоставляет конницу древних греков с конницей на Востоке и с кавалерией Нового времени. Это позволяет уточнить и реконструировать определенные моменты, которые не нашли отражения в античных источниках. В целом Л. Уорли верно замечает, что «греки не игнорировали конницу и ее роль на поле боя» (с. 172), но, вместе с тем, он, как и следовало ожидать, все же иногда переоценивает ее роль. В общем, работа представляет собой содержательный неплохой очерк развития греческой конницы от микенского до эллинистического периода. Остается пожалеть, что разнообразный и интересный материал, посвященный эпохе, последовавшей за смертью Александра, не нашел своего отражения в данной монографии.

А.К. Нефёдкин

¹² Дельбрюк Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. Т. III. СПб., 1996. С. 173–177, 411.